Свободной рукой, всё ещё раздвигавшей ягодицы, я заставил себя продавить плотно сжатое кольцо мышц.

Даже один палец встретил яростное сопротивление, он вошёл с мучительным трудом. Это была абсурдная борьба с самим собой: одна часть меня пыталась вторгнуться внутрь, другая — инстинктивно этому противилась. Каждое из этих действий по отдельности требовало неимоверных усилий, а вместе они превращались в настоящую пытку.

Я осторожно извлёк палец, который так медленно продвигался вглубь, а затем снова начал вводить его.

— Ха-а…

У Тхэ Сон, до этого тихо наблюдавший за моими унизительными манипуляциями, начал заметно расслабляться. Он небрежно откинулся на подлокотник дивана и подпёр подбородок рукой, глядя на меня. С таким видом смотрят скучное кино.

— Продолжайте. Не останавливайтесь.

Спасало лишь одно: несмотря на то, что мои действия напрямую стимулировали простату, тело не отзывалось предательским удовольствием. И это было настоящим благословением. Будучи абсолютно нагим перед У Тхэ Соном, я бы не вынес, если бы на моём лице отразилось хоть что-то, похожее на наслаждение.

— Сколько вы в себя вводили раньше?

Палец, размеренно входивший и выходивший из моего тела, застыл. Механический ритм, который я с таким трудом поддерживал, мгновенно сбился.

— …Это в первый раз.

— Правда? А выглядите так, будто рука набита.

Я солгал не моргнув глазом. Я не то чтобы часто предавался этому, но опыт у меня был. Стоило моргнуть, как перед глазами проносились картины тех ночей, когда я извивался под одеялом в одиночестве.

Ложь сорвалась с языка бессознательно, но, по правде говоря, я и не ожидал, что она продержится долго. Да и не думал об этом.

— Какое порно вы смотрите?

— Что?

Но настойчивого допроса, которого я так боялся, не последовало.

— То, где проникают в женщин? Или где проникают в мужчин?

После долгого молчания я ответил еле слышно, что второе. «Ясно». И на этот раз У Тхэ Сон оборвал разговор этим коротким, безразличным словом.

На протяжении всего этого он сохранял беззаботный, лёгкий тон. Для него происходящее и вправду не имело никакого значения, будто это было чем-то обыденным. До тех пор, пока я не останавливался, он меня не трогал.

— Ах… хнгх…

От этих монотонных, бездумных движений разум тоже начал тупеть. Мысли, до этого уходившие вглубь, становились всё более поверхностными. И в голове зародилась до смешного наивная мысль: а что, если просто кончить, и тогда всё действительно закончится?

Сознание будто костенело. Вместо того чтобы отмахнуться от этой бредовой идеи, я был готов кивнуть ей, поверить в неё.

Может, У Тхэ Сон и не пытался меня унизить или запугать. Может, он в прямом смысле просто хотел посмотреть. И если я покажу ему, как ласкаю себя пальцами и кончаю, он добровольно меня отпустит.

Сквозь мутную пелену рассудка прорвалась внезапная спешка, и я ввёл ещё один палец. Мне показалось, я услышал тихий смешок, но я был уже настолько поглощён маячившей прямо перед носом целью, что было не до того.

Я подгонял себя, понукал. Ещё немного, думал я. Ещё чуть-чуть, и всё закончится. Вот теперь — точно конец.

— Угх… н-нет, почему… почему…

Это должен быть конец. Мне казалось, это и есть конец. Но сколько бы я ни ворошил себя сзади, пытаясь нащупать спрятанную где-то простату, всё было тщетно. Какая там разрядка — даже эрекция, которую я с таким трудом поддерживал, грозила вот-вот опасть.

И это было естественно. Я никогда не получал удовольствия от проникающей мастурбации. Я не знал, на какие точки давить, чтобы стало приятно, и не понимал, почему это вообще должно приносить наслаждение.

В отчаянии я перехватил руку, до этого прижимавшую мой член к животу, и сжал его.

Знакомое ощущение ладони, обхватившей плоть, тут же всколыхнуло замершие было волны возбуждения.

В тот же миг я резко вскинул голову. Усиливая хватку, нежно массируя, я не сводил глаз с У Тхэ Сона, следя за его реакцией. К счастью, хотя он и наблюдал за каждым моим движением, он не выказывал никаких признаков того, что собирается меня остановить.

— Хнгх… ха-ах!

— Учитель, вам самому не скучно? Ужасно долго вы кончаете.

Я почувствовал это и в его взгляде, полном откровенной скуки. Почувствовал, что если я просто кончу, буквально извергну семя, то всё действительно закончится.

Я бросил пальцы, бывшие в моей дырке, и сосредоточился только на руке, сжимавшей член. Я быстро наращивал темп, привычно истязая себя сжатием нужной силы, извиваясь от ощущений, которые сам себе доставлял.

— Ха-ах, хн… А-ах!

Когда из горла вырвался короткий, похожий на вскрик звук, по кончикам пальцев рук и ног прошла лёгкая судорога. Я отпустил липкий член и вынул мокрые пальцы из скользкой дырки. Вот теперь… теперь всё действительно кончено.

И тогда У Тхэ Сон, всё это время молча наблюдавший за мной с одного и того же места, медленно поднялся.

Лишь тогда, очнувшись, я из последних сил поспешно свёл широко расставленные ноги. Напряжение вернулось в тело, ещё мгновение назад обмякшее после разрядки. Больше я ничего не мог сделать — только тяжело дышать и следить за каждым движением У Тхэ Сона.

Его тапочки скользили по полу без малейшего шороха, и, к моему облегчению, они направились не ко мне.

Небрежно остановившись перед огромным винным шкафом, У Тхэ Сон с минуту изучал его, а затем достал одну из бутылок с верхней полки и поставил на столешницу.

— Вас заводит, когда вы себя показываете другим?

Вопрос он бросил небрежно, откупоривая вино. И снова — этот лёгкий, почти безразличный тон.

— …Не неси херни.

Я невольно выпалил то, что вскипело внутри. Кажется, это было неизбежно — сначала ляпнуть, а потом запоздало следить за его реакцией. Представление было окончено, но мой поводок всё ещё был в руках У Тхэ Сона.

Однако он не выказал ни малейшего неудовольствия; он даже не выглядел расстроенным. Напротив, он лишь тихо усмехнулся, словно его это позабавило.

— И это после такого финала.

Его голос мгновенно парализовал меня. Я застыл, словно дичь на мушке у охотника. Его взгляд, до этого настойчиво измерявший меня, как центр концентрических кругов, начал смещаться.

Липкий взгляд соскользнул с моего лица, мимо губ, скрывавших стиснутые зубы, мимо груди, в которой зияла огромная дыра, и, медленно стекая ниже, наконец, застыл в одной точке. Я с опозданием осознал, что мой живот забрызган липкими следами.

— И кто вам поверит, когда вы говорите «нет», делая такое?

Верно. У Тхэ Сон налил вино в чистый бокал и с лёгким наслаждением вдохнул его аромат.

Смотреть вверх, на всё ещё расслабленного У Тхэ Сона, было пыткой, но смотреть вниз, на себя, было пыткой ещё более изощрённой. Тем, кто мучил меня сильнее всего, был не он, а я сам.

— Ах.

Словно что-то внезапно вспомнив, У Тхэ Сон обернулся с тихим восклицанием.

Наши взгляды встретились. В его глазах, полных любопытства, за нежной дымкой притаился ледяной холод. И он становился тем отчётливее, чем шире растягивались уголки его губ в улыбке, предназначенной специально для меня.

— Неужели и тогда вы мне это нарочно показывали?

— …Что?

— В медпункте. Вы взялись за член и принялись его ублажать, зная, что я вошёл?

Лишь когда его большая ладонь, описав в воздухе дугу, легко дёрнулась у него между ног, из

моего горла вырвался звук, похожий на вопль. Я вскочил на ноги.

— …Ты… ты! Ты… ты что, спятил?

— Спятивший здесь вы, учитель. Кто в здравом уме станет дрочить в школе? Вы же не какой-нибудь сексуально озабоченный.

Я замолчал не потому, что мне нечего было сказать или я не мог подобрать нужных слов. Но меня захлестнуло такое чувство вопиющей несправедливости, что слова просто застряли в горле.

Пусть бы кто угодно бросал мне такие обвинения, но только не У Тхэ Сон. Почему я такой? Кто тот сумасшедший, что довёл меня до этого?

Но я не мог спорить. Всё, что мне оставалось — это давить в себе кипящее чувство обиды.

— Хм-м. Как ни подумаю…

Словно издеваясь надо мной, вынужденным всё это терпеть, У Тхэ Сон легко прошёл мимо. Вместе с тонким ароматом алкоголя меня окутал тихий вздох.

Вернувшись на своё место, он закинул ногу на ногу и, подперев подбородок, принялся медленно постукивать пальцем по щеке.

— Такое чувство, будто меня использовал какой-то эксгибиционист-извращенец.

Это было сказано таким удручённым тоном, что кто угодно, не видевший, что было до этого, вполне мог бы ему поверить.

— Посмотрите на себя сейчас.

Вот же ублюдок.

— Что вы делаете голым в чужом доме?

Да, У Тхэ Сон был настоящим психом.

— Хватали свой член и дрочили, а когда не смогли кончить, даже полезли пальцами в свою дырку и так кончили.

Обвинения, в которых правда была искусно перемешана с ложью, безжалостно били по мне.

Голос У Тхэ Сона кружил надо мной, пока я стоял, утопая в собственном унижении. Нога коснулась чего-то холодного на полу. Это была моя одежда. Та, что я снял с себя сам.

Я ничего не мог сделать. Я смотрел вниз, на семя, растекавшееся по моему животу. И только сейчас до меня запоздало доходило, что я наделал.

Разделся перед учеником, тёр свой член до извержения, и даже пальцы…

Тишина вокруг, казалось, забирала не только звук, но и воздух. Я не мог дышать, хотя никто меня не душил. Из этого ада был лишь один выход. Я должен был уйти через тот коридор, которым пришёл. Стоит покинуть это место, и я смогу наконец со всем этим покончить.

Медленно, но без единого лишнего движения, я начал подбирать с пола разбросанную одежду.

Переводчик и редактор — Rudiment.

http://bllate.org/book/14794/1318949